

Воле в природе

ЖИВОТНЫЙ МАГНЕТИЗМ И МАГИЯ¹

В 1818 году, когда вышло мое главное сочинение, животный магнетизм лишь недавно завоевал право на существование. Что же касается его объяснения, то хотя некоторый свет был пролит на его пассивную сторону, следовательно, на то, что происходит при этом с пациентом, причем в основу объяснения была положена установленная Райлем противоположность между церебральной и ганглиозной системами, но его активная сторона, собственно движущая сила, посредством которой гипнотизер вызывает эти феномены, оставалась еще покрытой мраком. Перебирали наугад различные материальные принципы объяснения, такие, как всепроникающий мировой эфир Месмера, или принятое Штиглицем в качестве причины испарение кожи гипнотизера и т. п. Поднимались даже до некоего духа нервной системы; но это было лишь словом, обозначающим непонятное. Лишь отдельным людям, глубже проникающим в природу вещей благодаря практической деятельности, стала брезжить истина. Я же был еще далек от того, чтобы надеяться получить в магнетизме прямое подтверждение моего учения.

Однако *dies diem docet* [день научает день, лат. поговорка], и с того времени великий учитель, опыт, способствовал тому, что эта глубоко проникающая движущая сила, которая, исходя от гипнотизера, вызывает действия, представляющиеся настолько противоположными законам природы, что длительное сомнение в них, упорное неверие и осуждение их комиссией, в которую входили Франклин и Лавуазье, короче говоря, все, что противостояло этому как в первом, так и втором периоде (здесь не имеется в виду господствовавшее в Англии до последнего времени грубое и тупое, ничем не мотивированное осуждение), вполне простительно, — что, говоря я, эта движущая сила — не что иное, как воля гипнотизера. Не думаю, что сегодня среди тех, кто соединяет практику гипнотизера с пониманием ее сущности, может зародиться какое-либо сомнение по этому поводу, и считаю поэтому излишним приводить многочисленные подтверждающие это высказывания гипнотизеров. Так, лозунг Пюисегюра и старых французских гипнотизеров «*veillez et croyez*», т.е. «желайте и доверяйте!» не только подтвержден временем, но и превратился в своем развитии в правильное понимание самого процесса. Из «Теллуризма» Кизера, остающегося самым основательным и подробным учебником по животному магнетизму, достаточно ясно, что ни один гипнотический акт не имеет действия без участия воли и, наоборот, воля без внешнего акта может произвести магнетическое действие. Манипуляция, по-видимому, есть только средство фиксировать и как бы воплотить акт воли и его направленность. В этом смысле Кизер говорит (Теллур., т. 1, с. 379): «Поскольку руки человека в качестве органов, наиболее зримо выражающих его деятельность (т. е. волю), служат при гипнотизировании органами

¹ Перевод с немецкого М. И. Левиной.

воздействия, возникают магнетические манипуляции». Еще яснее высказывает это де Лозан, французский гипнотизер, в «Annales du magnetisme animal» 1814-1816, No 4, говоря: «Действие магнетизма зависит исключительно от воли, — это правда; но поскольку человек облечен внешней и чувственной формой, то и все, что существует ему на потребу, все, что должно на него действовать, непременно должно иметь такую же форму, и для того чтобы воля воздействовала, ей необходимо употребить какой-нибудь внешний способ действия». Поскольку согласно моему учению организм есть только явление, зримость, объектность воли, даже, собственно говоря, лишь сама воля, созерцаемая в мозгу как представление, то внешний акт манипуляции и внутренний акт воли совпадают. Там же, где воздействие совершается без внешнего акта манипуляции, это происходит в известной степени искусственно, окольным путем, и фантазия заменяет внешний акт, подчас даже личное присутствие; это значительно труднее и удается реже. Поэтому Кизер указывает, что громко произнесенное слово «Спи!» или «Ты должен!» действует на лунатика сильнее, чем одно внутреннее воление гипнотизера. Напротив, манипуляция и внешний акт вообще представляют собой, собственно, безошибочное средство для фиксации и деятельности воли гипнотизера, — именно потому, что внешний акт без воли невозможен, поскольку тело и его органы — не что иное, как зримость самой воли. Этим объясняется, что гипнотизеры гипнотизируют иногда без сознательного усилия воли и почти бездумно и все-таки достигают воздействия. Вообще гипнотически действует не сознание воления, не рефлексия, а само чистое, по возможности обособленное от представления воление. Поэтому в предписаниях гипнотизеру, данных Кизером (Теллур., т. 1, с. 400 след.), категорически запрещается врачу и пациенту мыслить и рефлексировать об их деятельности и недомоганиях, запрещаются все внешние впечатления, возбуждающие представления, всякие разговоры между врачом и пациентом, присутствие посторонних, дневной свет и т. д.; при этом рекомендуется, чтобы все совершалось по возможности бессознательно, как это происходит и при симпатическом лечении. Подлинная причина всего этого заключается в том, что здесь действует воля в своей исконности как вещь в себе, а это требует, чтобы представление, как отличная от нее область, как вторичное, была по возможности исключена. Фактические доказательства истины, что подлинно воздействующее при гипнотизировании есть воля, а каждый внешний акт лишь ее средство, можно найти во всех новых и лучших, работах о гипнозе и повторять их здесь было бы ненужным многословием; но одно я приведу, не потому, что оно особенно ярко, а потому, что оно сообщено замечательным человеком и в качестве его свидетельства имеет особый интерес. Я имею в виду Жан Поля; в письме, напечатанном в «Истинных фактах из жизни Жан Поля» (т. 8, с. 120) он пишет: «В одном большом обществе я дважды почти усыпил госпожу фон К. тем, что, незаметно для других, упорно и настойчиво взирал на нее с твердым желанием подчинить ее моей воле; сначала я вызвал у нее сердцебиение и внезапную бледность, так что С. должен был оказать ей помощь». И в наши дни обычную манипуляцию можно заменить и достигнуть успеха, если, глядя в упор на пациента, взять его руку и держать ее. Объясняется это тем, что и этот внешний акт способен фиксировать волю в определенном направлении. Более всего эта непосредственная власть одной воли над другими проявляется в замечательных опытах г. Дюпота и его учеников; он даже публично выступает с ними в Париже, заставляя другого человека посредством одной только воли, поддерживаемой немногими жестами, повиноваться его указаниям и замечаниям и совершать неслыханные поступки. Краткий отчет об этом дает по своей видимости вполне добросовестно написанная книжечка Карла Шолла: «Первый взгляд на чудесный мир магнетизма», 1853.

Доказательством другого рода, подтверждающим истину, о которой здесь идет речь, могут служить «Сообщения о сомнамбуле Августе К. из Дрездена», 1849 г., написанные ею самой. На с. 53 она пишет: «Я была в полусне; мой брат хотел сыграть знакомую ему пьесу. Я

попросила не играть ее, так как она мне не нравилась. Он все-таки попытался ее сыграть, и тогда я, настойчиво воздействуя на него моей противоположной волей, достигла того, что несмотря на все усилия, он не мог ее вспомнить». Своей высшей степени это явление достигает тогда, когда такая непосредственная власть воли распространяется даже на безжизненные тела. Как это ни невероятно, но у нас есть сообщения об этом из двух совершенно различных источников. Так, в названной выше книге на сс. 115, 116 и 318 рассказывается, со ссылкой на свидетелей, что та же сомнамбула одной своей волей, не касаясь иглы компаса, отклонила ее посредством фиксации взгляда один раз на 7°, другой раз на 4° и повторила это четыре раза. Затем «Galignani's messenger» от 23 октября 1851 г. приводит сообщение, взятое из английского журнала «Britannia», согласно которому сомнамбула Прюданс Бернар из Парижа на публичном заседании в Лондоне, поворачивая голову в разные стороны, заставила иглу компаса следовать движению ее головы; при этом в качестве членов жюри (acted as jurors) выступали господин Брюстер, сын физика, и два других господина из публики.

Таким образом, если мы видим, что воля, которую я определил как вещь в себе, это единственное реальное во всем бытии, ядро природы, исходя из человеческого индивида, совершает в животном магнетизме и за его пределами действия, необъяснимые на основе причинной связи, т. е. по закону природы, более того, что эти действия в известной степени отменяют этот закон, совершая настоящую *actio in distans* [воздействие на расстоянии], тем самым проявляют сверхъестественное, т. е. метафизическое, господство над природой, — то я не знаю, какого еще фактического подтверждения моего учения мне остается желать. Ведь даже без сомнения не знакомый с моей философией гипнотизер граф Сапари, исходя из своего опыта, приходит к тому, что добавляет в качестве пояснения к заглавию своей книги 1840 г. «Несколько слов о животном магнетизме, теле души и жизненной сущности» следующие замечательные слова: «или физические доказательства того, что животное-магнетические силы — среда, а воля — принцип всей духовной и физической жизни». Таким образом, животный магнетизм оказывается практической метафизикой, как уже Бэкон Веруламский определил в своей классификации наук (*Instaur. magna*, L III) магию: животный магнетизм — эмпирическая или экспериментальная метафизика. Так как, далее, в животном магнетизме выступает воля как вещь в себе, мы видим, что относящийся только к явлению *principium individuationis* (пространство и время) теряют свое значение: его разделяющие индивидов границы уничтожаются: между гипнотизером и сомнамбулой пространство не создает деления, наступает общность мыслей и движений воли: состояние ясновидения выводит человека за пределы, присущие только явлению, обусловленные пространством и временем отношения близости и дали, настоящего и будущего.

Вследствие такого положения вещей постепенно, несмотря на множество противостоящих доводов и предрассудков, сложилось мнение, даже стало едва ли не уверенностью, что животный магнетизм и его феномены тождественны части прежней магии, тому пресловутому тайному искусству, в реальности которого на протяжении всех веков были убеждены не только столь сурово его преследовавшие христианские народы, но и все народы Земли, не исключая даже диких, и за вредоносное применение которого уже в двенадцати таблицах римлян, в книгах Моисея и даже в одиннадцатой книге «Законов» Платона грозила смертная казнь. Насколько серьезно к этому относились даже в самый просвещенный век римского владычества, в правление Антонинов, доказывает прекрасная речь в суде Апулея, в которой он защищался от возведенного на него, угрожающего его жизни обвинения в колдовстве (*Oratio de magia*, p. 104, *Vip.*); в этой речи Апулей только старается отвести от себя подозрение, отнюдь не отрицая самой возможности магии, и даже пускается в такие вздорные подробности, как те, которые фигурируют в средневековых процессах над ведьмами.

Исключение составляет только Европа последнего столетия, вследствие того, что Бальтазар Беккер, Томазий и некоторые другие, преисполненные добрым намерением навсегда прекратить жестокие процессы над ведьмами, отрицали возможность магии. Это мнение, поддерживаемое философией того времени, одержало верх, хотя лишь в среде ученых и образованных сословий. Народ никогда не переставал верить в магию, даже в Англии, где образованные классы соединяют унижительную слепую веру в вопросах религии с непоколебимым неверием Фомы или Томазия во все, что выходит за пределы законов действия и противодействия, или кислоты и щелочи, забывая о сказанном их великим соотечественником, что в мире есть больше, чем снилось их философии. Одно ответвление старой магии открыто сохраняется в народе и ежедневно применяется, что дозволено вследствие его благотворного воздействия; это — симпатическое лечение, в реальности которого вряд ли можно сомневаться. Самое обычное — это симпатическое лечение бородавок, действенность которого подтвердил уже, основываясь на собственном опыте, осторожный и склонный к эмпирии Бэкон Веруламский (*Silva silvarum*, § 97); затем — заговаривание рожи лица, причем так часто сопровождающееся успехом, что убедиться в этом нетрудно; часто удается также заговаривание лихорадки и т. п.¹¹¹ Что при этом подлинная движущая сила — не бессмысленные слова и церемонии, а, как и при гипнозе, воля лечащего, после сказанного о магнетизме не требует объяснений. Примеры симпатического лечения незнакомые с ним могут найти в «Архиве животного магнетизма» Кизера, т. 5, выпуск 3, с. 106; т. 8, выпуск 3, с. 145; т. 9, выпуск 2, с. 172, выпуск 1, с. 128. Для предварительного ознакомления с вопросом пригодна также книга д-ра Моста «О симпатических средствах и лечениях», 1842. Следовательно, эти два факта — животный магнетизм и симпатическое лечение — эмпирически подтверждают возможность противоположного физическому воздействию воздействия магического, которое столь решительно отвергали в прошлом веке, упорно не допуская возможность иного воздействия, кроме физического, вызываемого понятной причинной связью.

К счастью, в наши дни подтверждение такого леченя исходит от представителей медицинской науки; ибо это одновременно служит порукой того, что маятник общественного мнения не качнется слишком сильно в противоположную сторону и мы не будем отброшены к суеверию грубых времен. К тому же, как было сказано, животным магнетизмом и симпатическим лечением спасена лишь часть магии, в ней содержится значительно больше: одну часть ее следует оставить пока под прежним запретом или считать вызывающим сомнение, другую же, благодаря ее аналогии животному магнетизму, мыслить по крайней мере возможной. Дело в том, что животный магнетизм и симпатическое лечение вызывают только благотворные и целительные действия, подобные тем, которые приписывают в истории магии испанским *saludadores* (Delrio. *Disq. mag. L. III. P. 2. q. 4, s. 7.* — et *Vodinus. Mag. daemon: III, 2*) и на которые также распространялось проклятие церкви. Впрочем, магия значительно чаще применялась для губительных целей. По аналогии, более чем вероятно, что сила, которая непосредственно действуя на другого индивида, способна оказывать на него целебное воздействие, будет по крайней мере столь же эффективна в своем отрицательном и разрушительном воздействии. Поэтому, если часть старой магии, кроме той, которая может быть сведена к животному магнетизму и симпатическому лечению, имела определенную реальность, то ею несомненно было то, что обозначается как *maleficium* и *fascina tio* и давало повод к большинству процессов над ведьмами. В приведенной выше книге Моста мы находим ряд фактов, которые несомненно могут быть отнесены к *maleficium* (а именно на с. 40, 41 и No 889, 91 и 97); в «Архиве» Кизера в томах 9-12, где описывается болезнь Бенде Бендзена, также встречаются случаи наговора болезней, особенно на собак, которые от этого издыхают. Что *fascinatio* была известна уже Демокриту, который пытался ее объяснить как факт, мы узнаем

из *Symposiacaе quaestiones*, qu. 115 V, 7, 6 Плутарха. Если признать, что эти сообщения верны, это дает ключ к пониманию преступлений ведьм, ревностное преследование которых в таком случае не лишено оснований. Пусть оно даже большей частью и было основано на ошибках и злоупотреблениях, но все-таки не следует считать наших предков столь ослепленными, чтобы они на протяжении многих столетий с такой неумолимой строгостью преследовали за совершенно невозможное преступление. С этой точки зрения, становится понятным и то, почему народ во всех странах вплоть до наших дней упорно приписывает определенные заболевания *maleficiо* и разубедить его в этом нет никакой возможности. Если мы теперь благодаря прогрессу склонны считать часть этого дискредитированного искусства не столь пустой, как полагали в прошлом веке, то тем не менее здесь больше, чем где-либо, нужна чрезвычайная осторожность, чтобы из нагромождения лжи, обмана и нелепостей, которые мы находим в писаниях Агриппы фон Ноттесгеймского, Вируса, Бодинуса, Дельрио, Биндсфельдта и других, выделить отдельные истины. Ибо ложь и обман, вообще распространенные в мире, нигде не используются с такой свободой, как там, где самовольно отказываются от законов природы, даже объявляют их недействующими. Поэтому мы видим, как на узкой основе того немногого, что могло быть истинным в магии, вырастает высочайшее сооружение сказочных приключений, невероятных по своей дикости искажений, опираясь на которые в течение многих веков совершались кровавые и жестокие деяния; все это вызывает психологическую рефлексию по поводу восприимчивости человеческого интеллекта к самой невероятной, безграничной бессмыслице и готовности человеческого сердца скреплять ее жестокостью.

Однако изменение в наши дни суждений ученых Германии о магии связано не только с животным магнетизмом; причина этого изменения лежит более глубоко; оно подготовлено переворотом, который произвел в философии Кант, и который, как в этой, так и в других областях, положил начало фундаментальному различию между образованием немцев и образованием других европейских народов. — Однако для того, чтобы просто смеяться над всякой чудодейственной силой или магическим действием, надо считать мир очень, даже полностью понятным. А это возможно только, если глядеть на мир очень плоским взором, не допускающим даже предположения, что мы погружены в море загадок и непостижимости и непосредственно полностью не знаем и не понимаем ни вещей, ни самих себя. Убеждение, противоположное этому, и влечет за собой то, что едва ли не все великие люди, независимо от их принадлежности к определенному времени или нации, были склонны к некоторому суеверию. Если бы наше природное познание позволяло нам непосредственно видеть вещи в себе, а следовательно, и абсолютно истинные отношения вещей, мы бы в самом деле были вправе а priori [до опыта] и тем самым безусловно отрицать всякое знание грядущего, всякие явления отсутствующих, умирающих или даже умерших и всякое магическое воздействие. Если же, как учит Кант, мы познаем только явления, формы и законы которых не распространяются на вещи в себе, то подобное отрицание, очевидно, опрометчиво, ибо оно опирается на законы, априорность которых оно ограничивает именно явлениями и не распространяет на вещи в себе, к которым должно принадлежать и наше собственное внутреннее Я. Между тем, именно вещи в себе могут иметь к нам такое отношение, из которого возникают упомянутые процессы; поэтому надо ждать решения а posteriori [после опыта], а не опережать его. То, что англичане и французы упорно настаивают на априорном отрицании подобных процессов, объясняется, по существу, тем, что они в сущности все еще находятся под влиянием философии Локка, согласно которой мы познаем вещи в себе только после устранения чувственного ощущения; в силу этого законы материального мира принимаются как безусловные и признается только *influxus physicus* [физическое воздействие]. Таким образом, они, правда, верят в физику, но не в метафизику и допускают

только некую «естественную магию», хотя в этом выражении заключена такое же *contradictio in adjecto* [противоречие в определении], как в «сверхъестественной физике», тем не менее оно применяется серьезно множество раз, тогда как выражение «сверхъестественная физика» лишь один раз, в шутку, употребил Лихтенберг. Напротив, народ с его постоянной готовностью верить в сверхъестественное влияние, высказывает, по-своему, правда, лишь ощущаемую уверенность в том, что воспринимаемое и сознаваемое нами — лишь явления, а не вещи в себе. Что это не преувеличено, можно подтвердить цитатой из работы Канта «Основы метафизики нравственности»: «Не требуется никаких тонких мыслей, а достаточно даже самого обыденного рассудка (который, правда, делает это по-своему, при помощи смутного различения способности суждения, называемой им чувством), для того чтобы заметить: все представления, появляющиеся у нас непроизвольно (каковы представления чувств), дают нам познание предметов только такими, как они на нас воздействуют, а какими они могут быть сами по себе, — это останется нам неизвестным; стало быть, этот вид представлений, даже при самом напряженном внимании с нашей стороны и при всей ясности, какую только мог бы придать им рассудок, может привести нас только к познанию явлений, но никогда не может привести нас к познанию вещей в себе. Коль скоро сделано это различие ... то само собой следует, что за явлениями мы должны допустить и признать еще нечто другое, что не есть явление, а именно вещи в себе...» (Кант. [Соч.: В 6 т. Т. 4, ч. 1. М., 1965]. С. 394-395).

Читая премированную Геттингенским обществом «Историю магии» Гидемана, озаглавленную «*Disputatio de quaestione, quae merit artium magi-carum origo*» [«Обсуждение вопросов, возникающих в связи с магическим искусством»] (Марбург, 1787), нельзя не удивляться тому, с каким упорством человечество, несмотря на ряд неудач, всегда и везде предавалось размышлениям о магии, и не прийти к заключению, что она должна глубоко корениться в природе человека, если не вещей вообще, и не может быть произвольной выдумкой и причудой. Хотя дефиниция магии дается авторами, которые пишут о ней, различно, но основная мысль ясна. А именно, во все времена и во всех странах бытовало мнение, что помимо обычного способа вызывать изменения в мире посредством причинной связи между телами должен существовать еще и другой, в корне отличный от него, способ, который совсем не основан на причинной связи; поэтому средства этого второго способа и казались абсурдными, когда их рассматривали с точки зрения того первого способа, поскольку несоответствие применяемой причины к предполагаемому действию бросалось в глаза и каузальная связь между ними была невозможна. Однако предпосылкой здесь служило то, что кроме внешней, обосновывающей *nexum physicum* [связями физическими] связи между явлениями этого мира, должна быть и иная, проходящая через сущность в себе всех вещей, как бы некая подспудная связь, позволяющая непосредственно воздействовать из одного пункта явления на любой другой с помощью *nexum metaphysicum* [связей метафизических], что поэтому должно быть возможно воздействие на вещи изнутри, а не только, как обычно, извне, воздействие явления на явление посредством сущности в себе, во всех явлениях одной и той же; что так же, как мы, основываясь на причинной связи, действуем в качестве *natura naturata* [природы порожденной], мы способны действовать и в качестве *naturae naturans* [природы порождающей] и на мгновение можем заставить микрокосм выступать как макрокосм; что стены, разделяющие и обособляющие индивидов, какими бы они ни были прочными, все-таки могут иногда допускать коммуникацию, как бы за кулисами, или наподобие скрытой игры под столом; что так же, как в сомнамбулическом ясновидении уничтожается индивидуальная изоляция познания, может быть уничтожена и индивидуальная изоляция воли. Такая мысль не могла возникнуть эмпирически, и неподтверждение опытом служило причиной того, что она сохранялась во все времена во всех странах, ибо в

большинстве случаев опыт должен был прямо опровергать ее. Поэтому я полагаю, что происхождение этой, столь общей всему человечеству мысли, неистребимой, несмотря на то, что она противоречит множеству противостоящих ей опытов и обычному человеческому рассудку, следует искать очень глубоко, в том внутреннем чувстве всемогущества воли в себе, которая составляет внутреннюю сущность человека и всей природы, и в связанном с этим предположением, что это всемогущество может иногда каким-то образом проявляться и в действиях индивида. Не будучи способными исследовать и обособить то, что может быть доступно этой воле как вещи в себе и что возможно для нее в ее отдельном проявлении, люди просто признавали, что при известных обстоятельствах воля может уничтожить границы индивидуации, ибо это чувство упорно сопротивлялось навязанному опытом познанию, что

Бог, обитающий в груди моей.
Влияет только на мое сознание,
На внешний мир, на общий ход вещей
Не простирается его влияние.

В соответствии с изложенной основной мыслью мы видим, что во всех попытках магического воздействия физическое средство применяется только как вспомогательный атрибут метафизического, ибо в противном случае оно вообще не могло бы иметь какого-либо отношения к предполагаемому действию: сюда относятся чужеземные слова, символические действия, нарисованные фигуры, восковые изображения и т. п. И мы видим, что в соответствии с упомянутым исконным чувством за этими атрибутами в конечном итоге всегда стоял акт воли, который связывали с ними. Естественным поводом к этому было то, что в движениях собственного тела ежеминутно видели совершенно необъяснимое, следовательно, очевидно метафизическое влияние воли, и возникала мысль, почему бы этому влиянию не распространяться и на другие тела? Найти путь к этому, уничтожить изоляцию, в которой воля находится в каждом индивиде, распространить непосредственную сферу воли за пределы собственного тела волящего — такова была задача магии.

Однако еще далеко было до того, чтобы эта основная мысль, из которой, по-видимому, и возникла магия, сразу же была ясно осознана и признана *in abstracto*, и магия сразу же поняла самое себя. Лишь у нескольких мыслящих и ученых писателей прошлых веков мы находим, как я вскоре подтвержу цитатами из их произведений, ясно выраженную мысль, что магическая сила заключена в воле и что странные знаки и действия, наряду с сопровождающими их бессмысленными словами, которые считались средствами заклинания и сдерживания демонов, представляют собой лишь атрибуты и способы фиксации воли, тем самым акт воли, который должен иметь магическое действие, перестает быть просто желанием и превращается в деяние, получает *corpus* (как говорит Парацельс), в известном смысле дается и полное объяснение индивидуальной воли, выступающей теперь как общая воля, как воля в себе. Ибо в каждом магическом акте, в симпатическом лечении или в других подобных процессах внешнее действие (связующее средство) является только тем, чем при гипнотизировании служат пассы, следовательно, не чем-то существенным, а средством, тем, посредством чего воля, единственная движущая сила, получает свое направление и фиксацию в мире тел и переходит в реальность: поэтому такие внешние действия необходимы. У других писателей тех времен в соответствии с основной идеей магии устанавливается только цель — осуществлять по своей воле абсолютное господство над природой. Но возвыситься до мысли, что такое господство должно быть непосредственным, они не сумели и поэтому мыслили его как опосредствующее. Ведь народные религии повсюду подчиняли природу господству богов и демонов. Подчинить их своей воле, побудить, даже заставить служить себе — таково было стремление мага и им он приписывал то, что ему удавалось; совершенно так же, как Месмер

приписывал вначале успех своего гипноза магнитным стержням, которые он держал в руках, а не своей воле, истинной движущей силе его действий. Так воспринимали это народы, у которых господствовала политеистическая религия, так понимал магию и Плотин (Плотин высказывает кое-где более правильное понимание, например, Епп. II, lib. III, с. 7. Enn. IV. lib. III, с. 12 и lib. IV, с. 40, 43 и lib. IX, с. 3121.) и особенно Ямвлих, — следовательно, как теургию; выражение это впервые применил Порфирий. К такому толкованию был склонен политеизм, эта божественная аристократия, — он распределил господство над различными силами природы между таким же числом богов и демонов, которые большей частью представляли собой персонифицированные силы природы и из которых маг попеременно склонял к своему желанию или заставлял служить себе то одного, то другого. Однако в божественной монархии, где вся природа послушна только Одному, мысль заключить с Ним частный союз или тем более осуществлять господство над Ним была бы слишком дерзкой. Поэтому там, где господствовали иудаизм, христианство или ислам, такому толкованию магии препятствовало всемогущество единого Бога, обращаться к которому маг не смел. Ему оставалось только искать прибежища у дьявола; с этим бунтарем, непосредственно происходящим от Аримана, который все-таки сохранял еще некоторую власть над природой, он и заключал союз, обеспечивая себе этим его помощь: это — «черная магия». В противоположность ей белая магия называлась таковой потому, что колдун не прибегал к услугам дьявола, а с разрешения или даже при содействии единого Бога обращался с просьбой к ангелам, чаще же, произнося редкие еврейские наименования Бога, такие, как Адонаи и т. п., призывал чертей и принуждал их к повиновению, ничего со своей стороны им не обещая (Delrio. Disq. mag. L. II, q. 2. — Agrippa a Netteshheim. De vanit. scient., с 45.). Все эти толкования и внешние стороны магии в такой степени принимали за ее сущность и за объективные процессы, что писатели, знакомые с магией не по собственному опыту и из вторых рук, такие, как Бодинус, Дельрио, Биндсфельдт и другие, определяли ее сущность так, будто она представляет собой действия, совершаемые не силами природы, не естественным путем, а с помощью дьявола. Таковым было и оставалось общее мнение, которое в различных местностях лишь модифицировалось в зависимости от религии страны; оно же служило основой законов против колдовства и процессов над ведьмами; против этого мнения были обыкновенно направлены и опровержения возможности магии. Подобное объективное понимание и толкование магии было неизбежно, хотя бы и вследствие несокрушимого реализма, который господствовал в Европе как в древности, так и в средние века и был поколеблен только Декартом. До этого люди еще не научились направлять спекуляцию на таинственные глубины своего собственного внутреннего мира и искали все вовне. Превратить же волю, которую они находили в самих себе, в господина природы казалось настолько смелой мыслью, что вызывало страх; поэтому волю сделали господствующей над вымышленными существами, которым господствующее суеверие приписывало власть над природой, чтобы сделать ее [волю] по крайней мере опосредствованно господствующей над природой. Впрочем, демоны и боги разного рода все еще — ипостаси, посредством которых верующие любого типа и любой секты достигают понимания метафизического, которое находится за пределами природы, придает ей бытие и устойчивость и поэтому господствуют над ней. Таким образом, когда говорят, что магия действует с помощью демонов, то смысл, лежащий в основе этой мысли, все-таки сводится к тому, что магия представляет собой действие, осуществляемое не физическим, а метафизическим путем, действие не естественное, а сверхъестественное. Если же мы познаем в тех немногочисленных фактах, которые свидетельствуют в пользу реальности магии, а именно в животном магнетизме и симпатическом лечении, не что иное, как непосредственное действие воли, которая выражает здесь свою непосредственную силу не внутри волящего индивида, как обычно, а вне его, и если мы видим, как я вскоре покажу на

несомненных однозначных высказываниях, что глубоко посвященные в тайны древней магии выводят все ее воздействие только из воли мага, — то это может служить убедительным эмпирическим доказательством моего учения, заключающегося в том, что метафизическое вообще, единственное, что существует вне представления, вещь в себе, есть не что иное, как то, что мы в себе познаем как волю.

То, что эти маги мыслили непосредственное господство, которое воля иногда осуществляет над природой, как лишь опосредствующее, совершаемое с помощью демонов, не могло служить препятствием в их деятельности, когда бы и где бы она вообще ни происходила. Ибо именно потому, что в вещах такого рода воля в себе действует в своей исконности и поэтому обособленно от представления, ложные понятия интеллекта не могут помешать ее действию; теория и практика находятся здесь далеко друг от друга: неправильность теории не стоит на пути практики, а правильная теория не создает способность к практике. Месмер приписывал сначала силу своего воздействия магнитным стержням, которые он держал в руках, и затем объяснял чудеса животного магнетизма с помощью материалистической теории о тонком, всепроникающем флюиде, и тем не менее его действия были поразительны по своей силе. Я знал одного помещика, крестьяне которого с давних пор привыкли излечиваться от приступов лихорадки посредством заговаривания, совершаемого господином; и хотя он был совершенно убежден в невозможности такого рода вещей, он из доброты исполнял по традиции волю крестьян, причем часто достигал успеха, который он приписывал непоколебимому доверию крестьян, не задумываясь над тем, что подобное доверие должно было бы придавать целительную силу и совершенно бесполезным лекарствам, применяемым многими доверчивыми больными.

Если, как было описано выше, теургия и магия с помощью демонов были просто истолкованием и внешним выражением акта [воли], просто оболочкой, на чем большинство останавливалось, то не было все-таки недостатка и в таких людях, которые, проникая вглубь, очень хорошо знали, что действовавшее в магических процессах было не чем иным, как волей. Этих людей, глубоко проникающих в суть дела, следует искать не среди тех, кто чужд, даже враждебен магии, а ведь именно им принадлежит большинство книг о магии; им магия известна только по заседаниям суда и показаниям свидетелей и поэтому они описывают только ее внешнюю сторону, при этом о подлинных процедурах, о которых им стало известно в ходе показаний, они тщательно умалчивают, чтобы не распространять страшный порок колдовства. К ним относятся: Бодинус, Дельрио, Биндсфельдт и другие. Настоящие объяснения следует искать у философов и естествоиспытателей тех времен господства суеверия. Из их высказываний ясно видно, что в магии, как и в животном магнетизме, действительная движущая сила не что иное, как воля. Приведу в подтверждение этого несколько цитат. Беру их сначала из Теофраста Парацельса, который сообщает больше, чем кто-либо, сведений о внутренней сущности магии, и даже не боится точно описывать применяемые при этом процедуры: т. 1, с. 91, 353 след. и 789; т. 2, с. 362, 496 (цитирую по Страсбургскому изданию его работ в двух томах in folio, 1603). — В томе 1, на с. 19 он пишет: «Заметим по поводу восковых фигурок следующее: если в моей воле заключена враждебность к кому-либо, то эта враждебность должна быть осуществлена с помощью *medium'a*, т. е. *corpus'a*. Следовательно, возможно, что мой дух без содействия моего тела, т. е. не с помощью меча, наносит удар или ранит другого силой моего страстного желания. Таким образом возможно, что посредством моей воли я ввожу дух моего противника в его изображение и сгибаю, калечу его по своему желанию. — Вам следует знать, что действие воли — важная составная часть лекарства. Ибо тот, кто не желает добра другому, ненавидит его, может своим проклятием достигнуть желаемого. Ведь проклятие — это наказание, налагаемое духом.

Поэтому, возможно, что проклятия изображениям могут вызывать болезни и т. д. — Так же воздействовать можно и на скот, причем с большей легкостью, чем на человека, ибо дух человека сопротивляется сильнее, чем дух скота».

С. 375: «Из этого следует, что изображение переносит колдовство на другого человека: не силой начертанных знаков или чего-либо подобного, не посредством воска; воображение настолько преодолевает свою собственную констелляцию, что становится средством для выполнения воли своего неба, т. е. своего человека».

С. 334: «Воображение человека всегда идет из сердца; сердце — солнце микрокосма. И воображение человека переходит из малого солнца микрокосма в солнце большого мира, в сердце макрокосма. Так, воображение микрокосма — семя, которое становится материальным, и т. д.»

На с. 364: «Вам достаточно известно, что совершает строгое воображение, которое есть начало всех магических дел».

С. 789: «Следовательно, моя мысль — это наблюдение за целью. Но мне не следует обращать на нее глаз с помощью рук, мое воображение само обратит его туда, куда я пожелаю. И ходьбу следует понимать так: я желаю, предписываю себе, и мое тело движется; и чем упорнее моя мысль, тем упорнее я буду бежать. Таким образом, только воображение движет мое тело».

С. 837: «Воображение, направленное против меня, может быть направлено с такой силой, что воображение другого может меня убить».

Т. 2, с. 274: «Воображение возникает из желания и жадности; желание ведет к зависти, ненависти, ибо они не возникнут, если ты этого не желаешь. Но как только ты пожелаешь, за этим последует деятельность воображения. Это желание должно быть стремительным, жадным, трепещущим, как желание беременной женщины, и т. д. Низкое проклятие становится обычно истинным: почему? оно идет от сердца, а в том, что идет от сердца, таится и рождается семя. Проклятия отцов и матерей также идут от сердца. Проклятие бедных людей — также воображение и т. д. Проклятие заключенных — также только воображение, идет от сердца. Следовательно, если кто-либо хочет посредством своего воображения кого-нибудь заколоть, искалечить и т. д., он должен сначала ощутить в себе этот акт и его орудие и тогда он может его направить, ибо то, что входит, может и выйти посредством мыслей, будто оно совершено руками... В силе такого воображения женщины превосходят мужчин, ибо они более пылки в мести».

С. 298: «Магия — великая скрытая мудрость; разум же — открытая великая глупость... От чар не защитят никакие латы, ибо они поражают внутреннего человека, дух жизни... Некоторые колдуны делают изображение человека, которого они имеют в виду, и забивают гвоздь в его стопу; он невидимо поражает человека и тот хромает до тех пор, пока гвоздь не будет удален».

С. 307: «Нам следует знать, что мы можем одной верой и сильным воображением привнести дух каждого человека в его изображение... Не нужны никакие заклинания и церемонии, кружения, окуривания, фигурки и т. д. — все это обезьяничанье и обольщение. — Делаются homunculi, изображения и т. д. и на них совершаются все операции, действуют силы и воля человека... Великое дело — дух человека, и никто не может выразить его сущность: так же, как вечен и непреходящ Бог, вечен и дух человека. Если бы мы, люди, могли действительно познать свой дух, для нас не было бы ничего невозможного на Земле... Совершенное воображение, которое идет от astris, возникает в духе».

С. 513: «Воображение утверждается и завершается верой в то, что задуманное действительно сбудется, ибо каждое сомнение разрушает содеянное. Вера должна подтверждать воображение, ибо вера укрепляет волю... Но то, что воображение человека, его вера не всегда совершенны, приводит к тому, что магическое искусство называют сомнительным, хотя оно может быть верным и благим». Пояснением этой последней фразы может служить одно место в книге Кампанеллы «De sensu rerum et magia» [«О смысле вещей и о магии»] [том IV, гл. 18. Во Франкфурт, изд. 1633 г. стр. 344]: «Некоторые люди достигают того, что. [другой] человек не сможет совокупиться, если только он поверит в то, что не сможет: ибо он не в состоянии сделать того, в чем не уверен, что сможет это сделать».

В том же духе говорит Агриппа Неттесгеймский в книге «De occulta philosophia» [«Об оккультной философии»], Кн. I, гл. 65: гл. 65: «Тело подчиняется влиянию чужого духа не менее чем влиянию чужого тела»; [из] гл. 67: «Что бы ни предписывал дух сильно ненавидящего человека, все имеет силу вредоносного и пагубного действия. То же следует сказать и обо всем остальном таком, к чему стремится дух с сильнейшим вожделением. Ибо все, что совершает и предписывает он с помощью начертанных знаков, фигур, слов, жестов и т. п., все это поддерживает стремления духа и приобретает некоторые чудесные свойства — как от души человека, действующего в ту минуту, когда в душу сильнейшим образом вторгается такое влечение, так и от небесного воздействия, которое подобным образом ввергает тогда душу в возбуждение»; [из] гл. 68: «Человеческому духу присуще некоторое свойство изменения и объединения обстоятельств и людей для достижения цели, которой он домогается, и все обстоятельства повинуются такому человеку, когда он насильно одержим могучим порывом какой-либо страсти или душевного устремления, что превосходит тех людей, которых и сплывает воедино. Корнем такого рода сплочения людей в единство служит именно сильнейшее и исключительное душевное волнение». Подобное утверждает и Юлий Цез. Ванниний в книге «De admir. naturae arcan.» [«О ревнителях тайн природы». Кн. IV, диалог 5, стр. 434]: «Сильное воображение, которому повинуются и дух и плоть, обладает свойством претворять мыслимое в действительность, т. е. не только внутри [в воображении], но и вовне». Также и Иог. Бат. ван Гельмонт, прилагающий много усилий к тому, чтобы по возможности устранить в магии влияние дьявола и приписать ее воздействие воле. [...]

Также и Помпонацци говорит («De incantationibus. Opera Basil». 1567, р. 44): «Таким образом, бывают люди, которые в потенции наделены силами подобного рода и мощью своего воображения и вожделения претворяют ее в актуальность, эти силы воздействуют на кровь и дух, которые через испарение стремятся вовне и производят подобные эффекты».

Об очень важных открытиях такого рода сообщает Джейн Лид, ученица Пордеджа, английская теософка мистического толка и визионерка времен Кромвеля. Джейн Лид приходит к магии совершенно особым путем. Ее учение исходит из характерной основной черты всех мистиков, провозглашающих единение собственного Я с Богом своей религии. В ее учении человеческая воля вследствие ее единения с божественной становится сопричастной ее всемогуществу и благодаря этому получает магическую силу. Таким образом, то, чем другие колдуны обязаны, как они полагают, союзу с дьяволом, она приписывает единению со своим Богом: ее магия, следовательно, — в высшем смысле белая магия. Впрочем, по своим результатам и на практике это не составляет разницы. Джейн Лид сдержанна и таинственна, что было в ее время необходимо; однако очевидно, что для нее это не просто теоретический короллярый, что ее учение возникло из различных знаний и из опыта. Главное сказано в ее «Откровении откровений» (немецкий перевод, Амстердам, 1695) на с. 126-151, особенно на тех, которые озаглавлены: «Мощь спокойной воли». Из этой книги Хорст в своей «Библиотеке колдовства» (т. 1, с. 325) приводит следующее место, которое, однако, представляет собой в его передаче

скорее resume, чем дословную цитату, и взято преимущественно со стр. 119, § 87 и 88: «Магическая сила приводит того, кто ею обладает, в такое состояние, в котором он способен господствовать над творением, т. е. над царством растений, животных и минералов, и возродить его, поэтому, если бы многие совместно действовали в одной магической силе, природа могла бы быть преобразована в рай... Как же нам достигнуть этой магической силы? В новом рождении силой веры, т. е. посредством совпадения нашей воли с божественной волей. Ибо вера подчиняет нам мир, так как совпадение нашей воли с божественной волей ведет к тому, что, как сказал апостол Павел, все становится нашим и должно повиноваться нам». Так дано это у Хорста. — На с. 131 данной работы Джейн Лид поясняет, что Христос совершал чудеса силой своей воли, как в том случае, когда он сказал прокаженному: «Хочу, очистишься». Однако иногда Он связывал это с волей тех, в которых замечал веру в Него; им Он говорил: «Что вы хотите, чтобы я для вас сделал?» Ибо во благо им совершалось не менее того, чего они ждали от Господа во исполнение их воли. Эти слова Спасителя заслуживают нашего пристального внимания, ибо высшая магия заключена в воле, если она находится в единении с волей Всевышнего: если два этих колеса входят друг в друга и как бы становятся одним, то они...» и т. д. — На стр. 133 она говорит: «Да и что может противостоять воле, которая находится в единении с волей Бога? Подобная воля обладает такой силой, что всегда осуществляет свое намерение. Она — не голая воля, лишенная своего одеяния, силы, она несет в себе неодолимое всемогущество, посредством которого может истреблять и насаждать, убивать и оживлять, вязать и решить, вылечивать и губить; вся эта сила будет концентрирована и выражена в царственной, свободной рожденной воле, и нам надлежит познать ее, когда мы достигнем единения со Святым Духом или объединимся с Ним в Один дух и Одну сущность». — На с. 133 сказано: «Мы должны испарить или потопить все многочисленные различные воли, порожденные смешанной сущностью душ, и затеряться в бездонной глубине, откуда тогда поднимется и выйдет девственная воля, которая никогда не была слугой какой-либо вещи, принадлежащей выродившемуся человеку, а совершенно свободна, чиста и находится в единении со всемогущей силой и будет, безошибочно, подобно ей, создавать сходные плоды и следствия... из этого жгучий елей Святого Духа вспыхнет в отбрасывающей свои искры магии».

Якоб Бёме в своем «Объяснении в шести пунктах» говорит в пункте 5 о магии в совершенно таком же смысле. Среди прочего он утверждает: «Магия — мать сущности всех сущностей, ибо она сама создает себя и узнается в жадном стремлении. — Истинная магия — не сущность, а вождедеющий дух сущности. — В общем: магия — это действия волящего духа».

В качестве подтверждения или во всяком случае пояснения изложенного воззрения на волю как подлинную движущую силу магии мы приведем странный и милый анекдот, который Кампанелла («De sensu rerum et magia», Кн. IV, гл. 18) рассказывает вслед за Авиценной: «Несколько женщин уговорились пойти для развлечения в парк. Одна из них идти отказалась. Остальные шутки ради поймали паука и искололи его острыми иглами, приговаривая: "так колем мы ту женщину, которая отказалась идти с нами"; и бросив паука в воду, они ушли. По возвращении они нашли эту женщину больной: с того момента, как они искололи паука, она почувствовала себя так, словно ее пронзали острыми иглами; и она чрезвычайно мучилась, пока женщины не вынули иголки из паука с пожеланиями ей здоровья и всяческих благ».

Очень интересное, точное описание смертоносного колдовства, которое применяется, по видимому, успешно жрецами дикого народа острова Нукахива и по своим процедурам полностью аналогично нашему симпатическому лечению, дает Крузенштерн в своем «Кругосветном путешествии», 1812 (ч. 1, с. 249 след.). — Это описание особенно ценно, поскольку здесь магия, далекая от европейской традиции, обладает совершенно такими же

свойствами. Достаточно сравнить с этим то, что Бенде Бендзен в Кизеровом «Архиве животного магнетизма» (т. 9, глава 1) в примечании на стр. 128-129 рассказывает о головной боли, которую он сам наколдовал другому человеку посредством отрезанных у него волос; это примечание Бендзен завершает такими словами: «Так называемое колдовство, насколько мне удалось узнать, состоит лишь в изготовлении и применении вредно действующих магнетических средств в соединении с воздействием злой воли. Это — гнусный союз с Сатаной».

Совпадение высказываний всех этих писателей друг с другом и с убеждением, к которому в последнее время привел животный магнетизм, и, наконец, с тем, что может быть выведено в этом вопросе из моего спекулятивного учения, несомненно феномен, заслуживающий пристального внимания. Несомненно одно: в основе всех когда-либо предпринимавшихся попыток магического воздействия, успешных или безуспешных, лежит антиципация моей метафизики, поскольку в них выражено сознание того, что закон причинности связывает только явления, сущность же вещей в себе остается независимой от него, и что если, исходя из этой сущности, следовательно, изнутри, возможно непосредственное воздействие на природу, то оно может быть совершено только самой волей. Если же определить магию по классификации Бэкона как практическую метафизику, то несомненно, что находящаяся в правильном отношении к ней теоретическая метафизика должна была бы принять мое разделение мира на волю и представление.

Жестокое рвение, с которым церковь во все времена преследовала магию и страшным свидетельством которого служит папский «*Malleus maleficarum*», объясняется, по-видимому, не только часто связанными с магией преступными намерениями и не предполагаемой ролью в ней дьявола, а проистекает отчасти из смутного предчувствия и опасения, что магия возвращает исконную силу к ее подлинному источнику, между тем как церковь предназначила ей место вне природы. Это предположение находит свое подтверждение в ненависти, питаемой столь предусмотрительным английским клиром к животному магнетизму, а также в его рьяном противодействии уж во всяком случае безобидному столоверчению, которое по той же причине не преминуло предать анафеме также духовенство во Франции и даже в Германии.